

ПЕРЕЗАГРУЗКА СТРАТЕГИЙ ВНЕШНИХ АКТОРОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ 2022 Г.¹

Научная статья

Д.Б. Малышева

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8625-6132
E-mail: dsheva@mail.ru*

Изменившиеся после 2022 г. центральноазиатские стратегии ряда глобальных и региональных держав анализируются в статье с учетом украинского кризиса. Принят также во внимание процесс продолжающейся трансформации современных международных экономических и политических отношений, которые определяют складывающийся полицентричный мировой порядок. Обращено внимание на новации в многовекторной политике постсоветских центральноазиатских стран: они с началом Специальной военной операции России и на фоне разрыва контактов с ней США и Европейского союза оказались под жестким экономическим, политическим и идеологическим прессингом коллективного Запада. Помимо вызовов, обозначившихся в Центрально-Азиатском постсоветском регионе в свете украинского конфликта и санкционной политики Запада в отношении России, рассмотрены риски и угрозы, способные дестабилизировать обстановку в центральноазиатских странах и в Евразии в целом. Научная новизна статьи проявилась как при освещении этих вопросов, так и при анализе модифицировавшихся стратегий внешних игроков. Внимание в этой связи уделено эволюции интересов и приоритетов традиционных союзников и партнеров центральноазиатских стран – России, Китая и Турции, продвигающих в Центрально-Азиатском регионе свои интеграционные, транспортно-логистические и культурно-образовательные проекты. Рассмотрены также новые элементы в политике США и Европейского союза в Центральной Азии, где особую значимость для этих глобальных акторов приобретают природные ресурсы и транспортная логистика. В своих притязаниях на доминирование, особенно в Казахстане и Узбекистане, США и ЕС все чаще отдают предпочтение не идеологическим, а экономическим инструментам, в то время как их взаимоотношения со странами региона все чаще приобретают неокOLONиальную окраску. На основании проведенного анализа сделан вывод о том, что в условиях новой геополитической реальности центральноазиатские страны, стремящиеся сохранить приверженность многовекторности, будут проводить курс на развитие партнерских отношений с самыми разными участниками международной конкуренции в Центрально-Азиатском постсоветском регионе. При этом его странам будет все сложнее защищать и отстаивать собственные экономические и политические интересы в процессе взаимодействия с новыми колонизаторами в лице западных корпораций.

Ключевые слова: *Центральная Азия, украинский конфликт, стратегия, C5+1, многовекторная политика, региональные и глобальные игроки.*

Для цитирования: *Малышева Д.Б. Перегрузка стратегий внешних акторов в Центральной Азии после 2022 г. // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 1. С. 26–35.*

¹ В основу статьи положен доклад автора на проведенном в РУДН 14 ноября 2025 г. Круглом столе с международным участием на тему «Центральная Азия в условиях украинского конфликта».

RESETTING THE STRATEGIES OF EXTERNAL ACTORS IN CENTRAL ASIA AFTER 2022

Research article

D.B. Malysheva

*E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8625-6132
E-mail: dsheva@mail.ru*

The article analyzes the post-2022 changes in the Central Asian strategies of several global and regional powers, taking into account the Ukrainian crisis. Besides it considers the ongoing transformation of contemporary international economic and political relations, which shape the emerging polycentric world order. Innovations in the multi-vector policies of post-Soviet Central Asian countries are also identified. With the onset of Russia's Special Military Operation and the severing of Russian-Western ties, Central Asian countries have found themselves under hard economic, political, and ideological pressure from the collective West. In addition to the challenges that have emerged in the post-Soviet Central Asian region in light of the Ukrainian conflict and the West's sanctions policy against Russia, the article examines risks and threats that could destabilize the situation in Central Asia. The article's scientific novelty is evident both in its coverage of these issues and in its analysis of the modified strategies of external players. Particular attention is paid to the evolving interests and priorities of the Central Asian countries' traditional partners and allies – Russia, China, and Turkey. The article highlights the specific nature of US and European Union policies in Central Asia, where these global actors are claiming dominance, particularly in Kazakhstan and Uzbekistan. Based on the analysis, the following conclusion was made: in the context of the new geopolitical reality, Central Asian countries, while seeking to maintain a commitment to multi-vector policy, will pursue a course of developing partnerships with a wide range of participants in international competition in the Central Asian post-Soviet region. At the same time, these countries will find it increasingly difficult to protect and defend their own economic and political interests amidst their increasingly powerful interactions with new colonial powers, represented by Western corporations.

Key words: *Central Asia, Ukrainian conflict, strategy, C5+1, multi-vector policy, regional and global players.*

For citation: *Malysheva D.B. Resetting the strategies of external actors in Central Asia after 2022 // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 1. P. 26–35. (In Russ.)*

Международно-политический контекст. При оценке современной ситуации в Центральной Азии (ЦА), во внутреннюю и внешнюю политику которой активно вовлечен ряд крупных глобальных и региональных акторов, важно учитывать специфику современных международных отношений. Они в целом с каждым годом ухудшаются, во-первых, из-за украинского конфликта, втянувшего в свою воронку европейцев, США и некоторые другие государства; во-вторых, вследствие общей дестабилизации ситуации в мире, накоп-

ления в мировой экономике и политике критической массы проблем и разногласий; в-третьих, в связи с обострением внутренних противоречий в США и объединенной Европе, где нарастает критическая масса проблем, грозящих перерасти в кризис [Сапир, 2025].

Серьезные трансформации переживают с 2022 г. и новые государства Евразии, в числе которых – 5 центральноазиатских. Эти трансформации во многом сопряжены с украинским конфликтом. Являются они также следствием охлаждения российско-

европейских отношений и ужесточения западной санкционной политики, направленной против России и тех, кто замечен в отходе от американско-европейских рестрикционных мер. ЕС и США осуществляют давление на стремящиеся сохранить нейтралитет центральноазиатские страны, побуждая их присоединиться к запущенной «коллективным Западом» санкционной антироссийской кампании и отказываться от взаимодействия как с Россией, так и с Китаем.

Хотя в ЦА тема Специальной военной операции на официальном уровне практически не обсуждается, вызванная ею политическая турбулентность, как и сам украинский конфликт, осложняют взаимодействие с Россией стран Центрально-Азиатского региона [Специальная., 2025]. Ситуация усугубляется еще и тем, что они находятся под жестким экономическим, политическим, идеологическим прессингом Запада, являющегося военно-политическим союзником Украины, а, значит, противостоящего на международной арене России.

Все это – фон для еще большей диверсификации внешних связей центральноазиатских стран, которые только усилили свое лавирование между конкурирующими интересами России, Китая, США, ЕС, пытаясь использовать их соперничество в своих интересах.

Стоит при этом отметить, что такая многосторонняя и многовекторная стратегия [Притчин, 2023] не помогает странам региона смягчать нарастание разнообразных вызовов и угроз. Более того, попытка усидеть в условиях углубляющейся мировой конфронтации на нескольких стульях еще больше усугубляет проблемы центральноазиатских стран, не способных в одиночку противостоять вызовам, угрожающим их стабильности. Это:

– прямые и косвенные последствия вводимых США/ЕС против России ограничений, затрагивающих различные секторы экономики и оказывающих влияние на все центральноазиатские страны, тесно связанные с Россией политическими и торгово-экономическими узами;

– неокOLONиальная экспансия Запада, нацелившегося на превращение ЦА в своего рода подмандатную территорию, откуда

будут выкачиваться природные ресурсы/редкоземельные металлы, способные частично заместить их поставки из России, Китая и других стран-экспортеров;

– экологические проблемы, вызываемые высыханием Аральского моря, обмелением Каспийского моря, таянием ледников Памира, выбросами метана в Туркменистане;

– афганский гидропроект на Амударье (канал Кош-Тепа), грозящий нарушить систему водоснабжения в Центрально-Азиатском регионе;

– нестабильная обстановка на афгано-пакистанской и афгано-таджикской границах, которая может помешать странам ЦА диверсифицировать свои торговые пути и реализовывать находящиеся в разработке проекты (Трансафганская железная дорога, газопровод ТАПИ, электроэнергетический проект CASA-1000);

– связанный во многом с западными спецслужбами международный терроризм в религиозном обличье, пополняемый боевиками из «горячих точек» Ближнего Востока и выступающий в ЦА и соседнем Афганистане под лозунгами построения «всемирного халифата».

К сегодняшней ситуации в постсоветской ЦА, где на фоне международной нестабильности получают развитие многие неблагоприятные процессы, вполне применима оценка академика А.А. Дынкина положения на севере Евразии: там, по его словам, «к сожалению, много симптомов возникновения новой, жесткой биполярности XXI в... обострилось многоуровневое, стратегическое соперничество не только за ресурсы, технологии, но и за ценности и модели развития»¹. Заслуживают внимания и рассуждения российского ученого В. Дегоева относительно некорректности использования применительно к действиям в настоящее время внешних сил в ЦА понятия «большая игра». Этим словосочетанием, указывает В. Дегоев, традиционно обозначалось (завершившееся в 1907 г.) рос-

¹ Академик Александр Дынкин: риски и плюсы многополярного мира. 05.11.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1056266> (дата обращения: 07.11.2025).

сийско-британское соперничество в этом регионе, поэтому логичнее вести речь не о «территории большой игры», а об «огромном сплошном пространстве геополитического напряжения, которое связано с понятиями “восточный” и “кавказский” вопросы» [Дегоев, 2025: 167–168].

На этом пространстве и сталкиваются в настоящее время интересы различных внешних игроков, имеющих собственные цели и интересы.

Россия, Китай и Турция как традиционные партнеры и союзники ЦА. Эти влиятельные государства длительное время (но каждое по-своему) продвигают в Центрально-Азиатском регионе свои интеграционные, транспортно-логистические, культурно-образовательные проекты. Они в настоящее время корректируются с учетом стремительно меняющихся геополитических обстоятельств.

Россия несколько ослабила свое влияние в ЦА из-за украинского конфликта. Но он не мешает Москве сохранять в регионе ЦА роль крупнейшего торгового партнера, одного из основных инвесторов в реальный сектор экономики, ключевого рынка труда для нескольких миллионов трудовых мигрантов. Остается за Россией и приоритет в сфере безопасности. Такая позиция достигается благодаря разворачиванию Россией в ряде стран (Казахстан, Киргизия, Таджикистан) военных сил, а также налаженному стратегическому партнерству в сфере обороны со всем регионом.

Свидетельством неослабевающих российско-центральноазиатских партнерских отношений явились решения, принятые в ходе второго саммита «Центральная Азия – Россия», успешно проведенного 9 октября 2025 г. в Душанбе. Принятый по итогам саммита «План совместных действий на 2025–2027 гг.» нацеливает страны региона на углубление сотрудничества в сферах торгово-экономических отношений и безопасности.

Россией ставится и более широкая задача – осуществить в шестистороннем формате сопряжение «своих потенциалов, возможностей организаций и многосторонних объединений в Евразии в интересах выстраивания широкого, открытого, взаимо-

выгодного и равноправного партнерства на континенте»¹.

Китай, выступивший в 2023 г. в ЦА с инициативой «строительства более тесного сообщества единой судьбы»², предпринял значительные усилия для интеграции со странами Центрально-Азиатского региона в таких ключевых областях, как экономика, торговля, транспортная логистика и культура. При этом Казахстан продолжает рассматриваться Китаем как главный узел транспортно-логистических маршрутов и приоритетный партнер в вопросах регулирования торгово-экономических отношений между КНР и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС).

Как и в предшествующий период, ставку Китай намерен делать в основном на экономические и политические рычаги влияния. Оно будет осуществляться и в формате «5+1», и в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [China, 2020]. Как отмечается в одном из исследований процесса продвижения в ЦА этой инициативы, в основу ее положен «принцип создания» пяти коммуникаций: политической координации (стратегий развития), сопряжения инфраструктуры, либерализации торговли, циркуляции капитала и налаживания гуманитарных контактов» [Сизов, 2021: 147].

Такое многостороннее и многоплановое сотрудничество открывает Китаю возможности для выстраивания нового типа партнерства, основанного на балансе интересов.

Экономическое влияние Китай может использовать и для развития сотрудничества со странами ЦА в области безопасности. Внимание Китая будет сосредоточено на инфраструктуре и пограничном контроле тех районов ЦА, где действуют запрещенные в КНР террористические группировки или где есть важные полезные ископаемые

¹ Коммюнике по итогам II саммита «Центральная Азия – Россия». 09.10.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6403> (дата обращения: 10.10.2025).

² Китайско-центральноазиатское сообщество единой судьбы: стратегический вектор нового азиатского будущего. 12.05.2025. URL: <https://china.studies.kz/home-ru/central-asia-and-china-ru/18773> (дата обращения: 02.01.2026).

(например, в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана).

Исходя из того, что мир вступил в эпоху глобальных преобразований и перемен, чреватых во многих случаях крупными потрясениями, китайская сторона, рассматривающая центральноазиатские страны как своих приоритетных внешнеполитических партнеров, объявила 2025 и 2026 «годами высококачественного развития сотрудничества Китая и Центральной Азии». В своем выступлении на II саммите «Китай – Центральная Азия» (Сиань, 17.06.2025) Председатель КНР Си Цзиньпин указал в связи с этим на намерение Китая «фокусировать усилия» преимущественно на экономических направлениях¹. В планах Китая – сопряжение инициативы «Пояса и пути» с рядом национальных стратегий развития [Фэн, 2025: 284]. Это должно способствовать углубленному взаимодействию со странами ЦА, при том что Китай, заботясь о собственных интересах, постарается приспособить свою региональную стратегию в ЦА к решению амбициозных глобальных задач.

Турция, претендующая на роль крупного логистического хаба по поставкам в Европу из ЦА нефти и газа, будет стремиться к увеличению импорта этого сырья, в том числе из Азербайджана и Туркменистана [Türkiye, 2024: 34]. Продолжит Анкара лоббировать вместе с Казахстаном и Азербайджаном поддерживаемый Западом проект Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ), именуемого Средним коридором².

Другим инструментом борьбы Турции за геополитическое влияние в ЦА станет продвижение в регион культурно-образовательных программ вместе с турецким вариантом латиницы. Гуманитарное воздей-

ствие на ЦА в контексте идеи «тюркской идентичности» Турция продолжит осуществлять через Организацию тюркских государств (ОТГ) и аффилированные с ней «зонтичные» структуры: Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТИКА), Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), Международная тюркская академия, Международный фонд тюркской культуры и наследия, Союз тюркских университетов. О стратегии, нацеленной на усиление культурно-языкового влияния Турции на страны ЦА, свидетельствует принятое в рамках планов по общетюркскому единству решение Министерства образования Турецкой Республики использовать в своих учебных программах термин «Туркестан» вместо наименования «Центральная Азия»³.

Меняется и стратегия Турции в сфере центральноазиатской безопасности. Здесь Анкара будет стремиться к более активному приобщению стран региона к планам создания так называемой армии Турана. Анкара попытается также использовать в своих интересах изменения в сфере региональной безопасности ЦА: они связаны с уходом воинского контингента США из Афганистана, с произошедшим в 2022 г. таджикско-киргизским вооруженным конфликтом, с отвлечением российских военных ресурсов в зону украинского ТВД. Планы Турции в ЦА могут быть реализованы благодаря наращиванию республикой своего ВПК, ее превращению «с недавних пор в производителя и экспортера беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), ставших важным компонентом современного оборонно-промышленного комплекса. Турция, кроме того, реформировала свое военное ведомство в плане его большей ориентации на внешние рынки» [Малышева, 2024: 62].

Стратегии нерегиональных внешних сил. Среди них несомненное лидерство принадлежит США и Европейскому союзу (ЕС).

США несколько утратили в ЦА свое стратегическое влияние после ухода из Аф-

¹ Развитие духа «Китай – Центральная Азия» во имя высококачественного развития регионального сотрудничества. 17.06.2025. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202506/t20250617_11651888.html (дата обращения: 19.06.2025).

² Cutler R.M. Azerbaijan, Kazakhstan Put Middle Corridor into Forward Motion // Asia Times. 31.10.2025. URL: <https://asiatimes.com/2025/10/azer-baijan-kazakhstan-put-middle-corridor-into-forward-motion> (data accessed: 06.11.2025).

³ Korybko A. Turkish Curriculum's Renaming of Central Asia to Turkistan is Turkiye's Latest Soft Power Flex. // Andrew Korybko's Newsletters, 19.12.2025. URL: <https://korybko.substack.com/p/turkish-curriculum-renaming-of-central> (data accessed: 22.12.2025).

ганистана в 2021 г. [Центральная..., 2025]. Американские специалисты по Центральной Азии приходят также к признанию того, что США не только не могут обеспечивать безопасность в регионе или же предлагать его странам членство «в более крупных организациях безопасности», но и предоставлять экономические инвестиции «на уровне, например, китайской инициативы “Один пояс – один путь” или даже разрастающихся турецких проектов» [An American, 2025: 6].

Примечательно, что программный документ, подготовленный Госдепартаментом с целью определения стратегии США в ЦА на 2019–2025 гг.¹, не был обновлен. Правда, многие зафиксированные в нем положения к настоящему времени скорректированы с учетом мировой конъюнктуры и новых потребностей Соединенных Штатов. Так что в целом интерес США к региону и особенно к его природным богатствам отнюдь не угас [Starr, 2024]. Это и доказывается событиями 2024–2025 гг., когда в формате «С5+1» Вашингтоном был организован ряд важных встреч.

В 2024 г. в Алматы прошел международный форум «В5+1», который стал бизнес-ответвлением дипломатического формата «С5+1». Принявшие участие в такой встрече более 200 специалистов из стран Центральной Азии и США обсудили торговые, транзитные и инвестиционные возможности региона². А 6 ноября 2025 г. в Вашингтоне президент Д. Трамп, встретившийся в рамках формата «С5+1» с пятью лидерами ЦА, добился заключения с ними весьма выгодных для США соглашений, относящихся к сферам авиации, минеральных ресурсов и цифровых технологий. Обращает на себя внимание, например, «сделка века», предусматривающая запуск производства в Казахстане 300 американских паровозов, а

также достигнутые договоренности о продаже Узбекистану 22 самолетов «Боинг».

Комментируя итоги саммита, российский эксперт и глава Евразийского аналитического клуба Н. Мендкович заметил, что «теперь объектом экономической экспансии Вашингтона стали страны Средней Азии, прежде всего, Казахстан и Узбекистан»³. А по мнению казахстанского политолога и общественного деятеля А. Курманова, «саммит “Центральная Азия – США” стал поворотным моментом в деле превращения всего региона в “Новую Африку” или в абсолютную колонию Запада. Подписан меморандум о сотрудничестве в сфере критически важных минералов, который полностью открыл путь для захвата и грабежа редкоземельных металлов»⁴.

События, произошедшие на дипломатической площадке «С5+1», запущенной еще в 2015 г. администрацией Барака Обамы и изображаемой с тех пор американскими СМИ как диалог равных, фактически отражают стремление Вашингтона сохранить влияние в Центрально-Азиатском регионе, который оказался в сфере партнерства с Россией и Китаем. Вместе с тем США, требующие от центральноазиатских стран отказаться от сотрудничества с этими глобальными державами, своему долгосрочному экономическому участию в делах региона гарантий не дают. Есть также свидетельства, указывающие на то, что за истекшее десятилетие прямые инвестиции США в регион составили менее 5 млрд долл., тогда как товарооборот России со странами ЦА превысил 40 млрд долл. в год, а китайский – 70 млрд долл.⁵.

³ Мендкович Н. Встреча Трампа с лидерами стран Центральной Азии: американский неокolonизм в действии? // Фонд стратегической культуры. 08.11.2025. URL: <https://fondsk.ru/news/2025/11/08/vstrecha-trampa-s-liderami-stran-centralnoy-azii-amerikanskiy-neokolonializm-v> (дата обращения: 09.11.2025).

⁴ Курманов А. Саммит у Трампа. Средняя Азия превращается в «Новую Африку». 08.11.2025. URL: <https://www.politnavigator.net/sammit-u-trampa-srednyaya-aziya-prevrashhaetsya-v-novuyu-afriku.html> (дата обращения: 09.11.2025).

⁵ «С5+1» как инструмент давления: почему Вашингтон говорит о партнерстве, но думает о контроле. URL: <https://bugin.info/detail/c51-kak-instrument-davle/ru> (дата обращения: 06.11.2025).

¹ United States Strategy for Central Asia 2019–2025. Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. 05.02.2020. URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity> (data accessed: 20.10.2025).

² The B5+1 Forum and «The Greater Central Asia». 04.04.2024. URL: <https://avim.org.tr/en/yorum/the-b5-1-forum-and-the-greater-central-asia> (data accessed: 08.12.2025).

Очевидно также, что при Д. Трампе американское присутствие в ЦА обретает новое качество: действующая администрация отказывается от финансирования псевдогуманитарных программ (включая деятельность запрещенного в РФ USAID)¹ и занимается активным продвижением финансово-торговых сделок, предполагающих выгоду корпорациям США. В рамках этого нового тренда в американской стратегии происходит смещение фокуса с идейно-политического направления на проблемы, отвечающие интересам США и направленные на то, чтобы «сделать Америку снова великой»².

Рассматривая ЦА как регион, где может быть реализован ряд стратегических планов в отношении сдерживания Китая, Афганистана или Ирана, США и дальше намерены сочетать дипломатические усилия с экономической экспансией в сферу нефтегазовой/ядерной энергетики и добычи редкоземельных металлов. В своих стратегических планах США исходят из рассмотрения ЦА как территории, способной помочь Западу снизить зависимость от Китая, особенно после решения последнего ограничить экспорт редкоземельных элементов.

По-прежнему значимыми для США остаются ресурсы и транзитный потенциал Каспийского моря, где пока сохраняется геополитическое влияние России и Ирана. Вытеснить их с этой выгодной геополитической площадки и закрепить здесь свои позиции администрация Трампа рассчитывает после реализации двух амбициозных проектов – ТМТМ и «Путь Трампа к международному миру и процветанию» (Trump Route for International Peace and Prosperity, TRIPP)³. Таким образом, для Вашингтона

Центрально-Азиатский регион остается источником критически важного сырья и выгодным транзитным коридором, позволяющим США укрепить свои позиции на обширном евразийском пространстве.

Европейский союз (ЕС), находящийся в состоянии системного кризиса, истощивший свои ресурсы в гибридной войне с Россией и утративший во многом свою значимость глобального центра, если и попытается продемонстрировать активность в ЦА, но уже не способен, как раньше, инвестировать в экономику стран региона, откуда ему, по большому счету, нужны только природные ресурсы.

Согласно утвержденной в 2023 г. Стратегии ЕС для Центральной Азии⁴, европейское международное объединение фокусируется в ЦА в основном на двух направлениях:

1) природные богатства региона, особенно его редкоземельные металлы, в которых нуждается гражданская и военная инфраструктура Европы;

2) транспортная логистика, где приоритетное значение придано Транскаспийскому международному транспортному маршруту.

Среди мегапроектов, которые ЕС планирует реализовать в соответствии с утвержденной 2 июля 2021 г. на заседании в Алматы Совета Евразийского банка развития (ЕАБР) «Стратегией развития ЕАБР на 2022–2026 гг.», – Центрально-Азиатский водно-энергетический комплекс, Евразийская транспортная сеть и Евразийская сельскохозяйственная товаропроводящая система. В рамках флагманской инициативы ЕС «Глобальные ворота» предусматривается расширение гидроэнергетического потенциала ЦА и развитие транспортной связанности региона с Европой в обход России [Mubinzhon, 2025: 16]. В планах ЕС – подключение стран ЦА к утвержденному 23 октября 2025 г. 19-му пакету экономических и политических санкций против России.

¹ Trump Administration Says It's Cutting 90% of USAID Foreign Aid Contracts. // US News, 26.02.2025. URL: <https://www.usnews.com/news/politics/articles/2025-02-26/trump-administration-cutting-90-of-usaid-foreign-aid-contracts-documents-show> (data accessed: 28.02.2025).

² National Security Strategy of the United States of America. 2025, November. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (data accessed: 08.12.2025).

³ The TRIPP Implementation Framework (TIF). URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2026/01/TRIPP-Implementation-Framework.pdf> (data accessed: 28.08.2025).

⁴ Report on the EU Strategy on Central Asia. Committee on Foreign Affairs, 06.12.2023. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2023-0407_EN.html (data accessed: 26.10.2025).

Подведем некоторые итоги. Страны Центральной Азии постараются и в будущем продолжать лавирование между конкурирующими интересами России, Китая, Турции, США и ЕС, стремясь использовать соперничество этих крупных игроков в своих интересах.

Политика Турции в центральноазиатском ближнем зарубежье, как и усилия по формированию через механизмы Организации тюркских государств альтернативного СНГ и ЕАЭС «общетюркского» интеграционного объединения», останется серьезным вызовом стратегическим интересам России. Важно и то, что в турецком интеграционном проекте в деле прокладывания новой логистики к природным богатствам Центральной Азии заинтересован «коллективный Запад». Его цели совпадают с турецкими и в направлении стремления выдвинуть Россию, ее культуру, русский мир в целом из постсоветского ближнего зарубежья. Так что если пристальнее присмотреться к проекту условного «Великого Турана», воплощаемого Организацией тюркских государств, к которой Анкара усиленно приобщает центральноазиатские республики, то в нем можно обнаружить черты сходства с программой ЕС «Восточное партнерство». Присоединившихся к ней Молдавию, Украину, Армению и Грузию обольщают призрачной надеждой вступить когда-нибудь в «райский сад», каким обычно рисуют ЕС еврочиновники. А вот Турции, которой, несмотря на все предпринятые ею усилия, путь в этот «сад», скорее всего, заказан, предназначено довольствоваться более скромной миссией – «окучивать», условно говоря, мусульманский участок постсоветского пространства. Но оба эти проекта – и европейский, и турецкий – преследуют схожие цели. Они, во-первых, нацелены на то, чтобы отчуждать постсоветские страны от России и курируемых ею структур; во-вторых, облегчают доступ Запада (к которому можно отнести и Турцию с учетом ее членства в НАТО) к природным богатствам Евразии. Создаются

одновременно условия для воспроизведения на просторах Центральной Азии и, в частности, в Казахстане, проекта «Анти-Россия» по лекалам, уже апробированным на Украине или же готовым к применению в двух странах – участницах «Восточного партнерства» – Молдавии и Армении.

В целом цели США и ЕС в отношении ЦА на практике выглядят весьма меркантильными, они никак не связаны с публично заявленным желанием этих глобальных игроков сделать регион процветающим и конкурентоспособным. Политика США и Евросоюза, пытающихся подключить к своей международной повестке страны ЦА, нередко вступает в противоречие с их национальными интересами. Не сопрягаются они и с программами развития, осуществляемыми в ЦА Россией и Китаем, заинтересованными также в сохранении в регионе мира и спокойствия. В конечном счете, успех участия США и ЕС в Центральной Азии будет зависеть не только от дипломатической динамики, но и от способности западных политиков предложить странам региона более заманчивые альтернативы по сравнению с теми, что продвигают Россия и Китай.

Налаживание сотрудничества с внешними игроками, особенно в сфере экономики и содействия развитию, важно для центральноазиатских стран. Поэтому они, сохраняя приверженность многовекторности, постараются привнести в новую геополитическую реальность курс на развитие партнерских отношений с самыми разными участниками международной конкуренции. Однако же странам региона будет все сложнее защищать и отстаивать собственные экономические и политические интересы в процессе набирающего силу взаимодействия с новыми колонизаторами в лице западных корпораций.

Ближайшее время покажет, удастся ли странам региона отстоять и защитить в таких сложных условиях суверенитет, собственные экономические и политические интересы.

ЛИТЕРАТУРА

- Дегоев В.В.* Где и когда началась «большая игра»? // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 1. С. 152–169. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-152-169.
- Мальшиева Д.Б.* Центральноеазиатское направление политики Турции // Россия и новые государства Евразии. 2024. № II (LXIII). С. 60–72. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-2-60-72.
- Пritchett С.А.* Многовекторность как основная модель внешней политики стран Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 12. С. 104–115. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115.
- Сапир Ж.* Эффект бумеранга // Коммерсантъ. Деньги. Приложение № 21. 04.09.2025. С. 26.
- Сизов Г. А.* Китайская инициатива «Пояс и путь» в Центральной Азии: успехи, проблемы и перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2 (65). С. 146–168.
- Специальная военная операция в научном и информационно-аналитическом дискурсе стран Ближнего и Постсоветского Востока, Греции и Китая / отв. ред. В.А. Аватков. М.: ИНИОН РАН, 2025. 249 с.
- Фэн Юэжуй.* Место стран Центральной Азии в реализации инициативы «Пояс и путь» // Российско-китайские исследования. 2025. Т. 9. № 3. С. 279–289. DOI: 10.17150/2587-7445.2025.9(3).279-289.
- Центральная Азия и Афганистан: вызовы безопасности и контуры сотрудничества / под ред. К.П. Курьлева, М.А. Шпаковской. М.: РУДН, 2025. 329 с.
- An American Strategy for Greater Central Asia. American Foreign Policy Council. Washington, 2025, April. 12 p.
- China's Belt and Road Initiative in Central Asia: Ambitions, Risks and Realities. Special Issue 2. Bishkek: OSCE Academy in Bishkek, 2020. 89 p.
- Mubinzhon A. Bustillo R., Viju-Miljusevi C.* External Forces in Central Asia: Shaping the Regional Balance // Canadian Journal of European and Russian Studies. 2025. № 18 (1). P. 4–29. DOI: 10.22215/cjers.v18i1.4901.
- Starr S.F.* Greater Central Asia as Component of US Global Strategy. Washington: Silk Road Paper. 2024, October. 27 p.
- Türkiye's Return to Central Asia and the Caucasus / ed. by S.E. Cornell. Washington: Silk Road Paper. 2024, June. 87 p.

REFERENCES

- An American Strategy for Greater Central Asia. American Foreign Policy Council. Washington, 2025, April. 12 p.
- Central'naya Aziya i Afganistan: vyzovy bezopasnosti i kontury sotrudnichestva / pod red. K.P. Kuryleva, M.A. Shpakovskoj. M.: RUDN, 2025. 329 s. (In Russ.). [Central Asia and Afghanistan: Security Challenges and Contours of Cooperation / ed. by K.P. Kurylev, M.A. Shpakovskaya. M.: RUDN University, 2025. 329 p.]
- China's Belt and Road Initiative in Central Asia: Ambitions, Risks and Realities. Special Issue 2. Bishkek: OSCE Academy in Bishkek. 2020. 89 p.
- Degoev V.V.* Gde i kogda nachalas' «bol'shaya igra»? // Rossiya v global'noj politike. 2025. Т. 23. № 1. S. 152–169. DOI: 10.31278/1810-6374-2025-23-4-156-173. (In Russ.). [*Degoev V.V.* More than the Great Game: The Origins of Anglo-Russian Imperial Rivalry in Eurasia // Russia in Global Affairs. 2025. Т. 23. № 1. P. 156–173. DOI: 10.31278/1810-6374-2025-23-4-156-173.]
- Feng Yuerui.* Mesto stran Central'noj Azii v realizacii iniciativy «Poyas i put'» // Rossijsko-kitajskie issledovaniya. 2025. Т. 9. S. 279–289. DOI: 10.17150/2587-7445.2025.9(3).279-289. (In Russ.). [*Feng Yuerui.* The Place of Central Asian Countries in the Implementation of the Initiative «Belt and Road» // Russian and Chinese Studies. 2025. Vol. 9. № 3. P. 279–289. DOI: 10.17150/2587-7445.2025.9(3).279-289.]
- Malysheva D.B.* Central'noaziatskoe napravlenie politiki Turcii // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2024. № II (LXIII). S. 60–72. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-2-60-72. (In Russ.). [*Malysheva D. B.* Central Asian Direction of Turkish Policy // Russia and New States of Eurasia. 2024. № II (LXIII). P. 60–72. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-2-60-72.]
- Mubinzhon A. Bustillo R., Viju-Miljusevi C.* External Forces in Central Asia: Shaping the Regional Balance // Canadian Journal of European and Russian Studies. 2025. № 18 (1). P. 4–29.
- Pritchett S.A.* Mnogovektornost' kak osnovnaya model' vneshnej politiki stran Central'noj Azii // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. Т. 67. № 12. S. 104–115. DOI: 10.20542/0131-

2227-2023-67-12-104-115. (In Russ.). [Pritchins S.A. Multi-Vectoral Approach as the Key Model of Central Asian Countries' Foreign Policy // World Economy and International Relations. 2023. Vol. 67. № 12. P. 104–115. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115.]

Sapir Zh. Ehffekt bumeranga // Kommersant. Den'gi. Prilozhenie № 21. 04.09.2025. S. 26. (In Russ.). [Sapir J. The Boomerang Effect // Kommersant. Money. Supplement № 21. 04.09.2025. P. 26].

Sizov G.A. Kitajskaya iniciativa «Poyas i Put'» v Central'noj Azii: uspekhi, problemy i perspektivy // Problemy nacional'noj strategii. 2021. № 2 (65). S. 146–168. (In Russ.). [Sizov G.A. China's Belt and Road Initiative in Central Asia: Successes, Problems and Prospects // Problems of National Strategy. 2021. № 2 (65). P. 146–168].

Special'naya voennaya operaciya v nauchnom i informacionno-analiticheskom diskurse stran Blizhnego i Postsovetskogo Vostoka, Grecii i Kitaya / otv. red. V.A. Avatkov. M.: INION RAN, 2025. 249 s. (In Russ.). [Special Military Operation in the Scientific and Information-Analytical Discourse of the Countries of the Middle and Post-Soviet East, Greece and China / ed. by V.A. Avatkov. M.: INION RAS, 2025. 249 p.].

Starr S.F. Greater Central Asia as Component of US Global Strategy. Washington: Silk Road Paper. 2024, October. 27 p.

Türkiye's Return to Central Asia and the Caucasus / ed. by S.E. Cornell. Washington: Silk Road Paper. 2024, June. 87 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мальшева Дина Борисовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Российская Федерация).

E-mail: dsheva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dina B. Malysheva, doctor of sciences (Politics), chief scientific associate of the Center for Post-Soviet Studies of E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: dsheva@mail.ru